

**“Темные места” в переводе
арабских и старотурецких мусульманских произведений
на белорусский и польский языки в XVII в.**

ГАЛИНА МИШКИНЕНЕ

Вильнюс

The article deals with problematic interpretations of the translation of Old Turkish manuscripts into Belarussian and Polish in the XVII century. The Belarussian texts written in Arabic alphabets are not quite understandable due to the caricature of this alphabet. The author gives interpretations of the problematic cases of the manuscript KU-1446, LU-893 and Leip.-280 and translates them into Lithuanian.

На исторических землях Великого княжества Литовского в течение шести столетий проживает этническая группа восточного происхождения, традиционно называемая “литовскими татарами”. К середине XVI в. литовские татары, мусульмане по вероисповеданию, утратили свой родной язык и стали пользоваться белорусским, а позже и польским языком. С утратой родного языка возросла необходимость толковать непонятные арабские тексты молитв, мераджей, легенд о пророке Мухаммеде, сур Корана на белорусском, а затем и польском языках. Произведения литовских татар в виде рукописных сборников различного содержания дошли до наших дней. Эти рукописи содержат тексты преимущественно религиозного мусульманского характера, среди которых немало фольклорных и агнографических произведений на белорусском и польском языках, писанные арабской графикой литовскими татарами в течение XVI–XIX вв.

При многократном копировании рукописей неизбежно появление различного рода искажений в тексте: описок, исправлений и т.п. В арабскоалфавитных рукописях изначально имеется два слоя искажений: допущенных при переводе с арабского на турецкий язык и с турецкого на белорусский или польский языки (подтверждение тому, что славянский перевод осуществлялся именно с турецкого

языка, находим в самих рукописях: авторы перевода часто указывали, с какого языка был сделан перевод; о языке оригинала свидетельствуют лексические и синтаксические особенности текстов, входящих в состав рукописей). Использование арабской графики способствовало появлению и третьего слоя искажений. Недопонимание содержательных и стилистических особенностей этих памятников, грамматических конструкций, часто калькирующих соответствующие арабские или турецкие конструкции, способствовало появлению дополнительных искажений в текстах.

Особая графика, усложненный синтаксис, архаичность лексики, структуры текстов и их содержания привели к тому, что тексты славяноязычных рукописей, писанных арабским письмом, стали практически недоступными для специалистов.

Предлагаемый автором перевод¹ подобных рукописей на литовский язык может стать критерием степени понятности текстов, входящих в их состав, а также одним из средств лингвистической интерпретации текста. Процесс перевода на литовский язык на первом этапе исследования является именно тем средством, которое способствует выявлению “темных мест” в славянском оригинале и может подготовить читателя и исследователя к целостному восприятию текста со всеми особенностями его структуры и содержания.

¹ Успешный опыт использования перевода в качестве критерия проверки результатов сопоставительных исследований, а также приема обнаружения системных отношений в лексике, особенностей семантических структур и сочетаемости был наглядно продемонстрирован в ряде интересных исследований [Морковкин 1984].

Немало внимания было уделено технике оформления перевода. Отсутствие пунктуационных знаков, заглавных букв в тексте оригинала вызвало определенную трудность при транслитерации арабской графики в кириллическую. Перевод на литовский язык требовал сегментации текста, т.е. деления его на речевые отрывки, содержащие основную и дополнительную информацию, с последовательным оформлением этого деления с использованием средств организации связного текста, соответствующих смысловым отношениям между частями информации. Выделялись абзацы, расставлялись знаки препинания, использовались заглавные буквы. Например:

в китабе шуруту селоту пише || иещчѣ мӯџа прѣрок у пана бѣга пѣтал | пане пѣже | чи спѣш ти || пан бѣг рек мӯџейу | принеси две шкленци полниѣе води наливши || мӯџа пренес полнѣ налиши || пан бѣг рек | мӯџа вѣзми у обиде руки пѣ шкленци || мӯџа вѣзал || пан пог рек | вѣзал иеѣ | трймаѣ моѣно || пан бѣг сѣн препуѣтил | мӯџа заснѣл | шкленци з рук вупуѣтил и побил | и воду прѣлив || пан бѣг рек | мӯџейу штѣ чиниш | чѣму шкленци побил | из рук вупуѣтил | и воду рѣвали || мӯџа рек | пане бѣже | заснѣл иеѣми || пан бѣг рек мӯџейу | ѣтѣже иеѣ заснѣл и шкѣду учинил | прѣтѣ йа бѣг иеѣсли бѣ заснѣл | земла бѣ и небо зѣ фиштѣкм наплнениѣм з моѣи рук моѣих вупадла бѣ | и зѣбла бѣ се | и шкѣда бѣ била || с тѣм прикладѣм мни богу нилѣа спаѣ веѣи вѣкм || кѣнеѣ || [КУ–1446, 6565–66а5]

Обращение к литовскому языку неслучайно, так как перевод на близкородственный славянский язык не смог бы вскрыть всех особенностей и всей специфики значения слов и мог бы привести к разночтениям в тексте.

В нашей статье рассматриваются проблемы интерпретации “темных мест” в текстах трех арабскоалфавитных рукописей сер. XVII в.: Казанского китаба (рукопись Казанского университета № 1446, далее КУ-1446), Петербургского полукитаба (рукопись С.-Петербургского университета № 893, далее ЛУ-893) и Лейпцигского хамаила (рукопись Лейпцигского университета № 280, далее Лейпц. 280).

По функционально-смысловому наполнению исследуемые тексты представляют собой контаминацию рассуждений, описания и повествования, обычно представленных в форме беседы (диалога), режее монолога одного из персонажей. Примером такого монолога являются следующие рассуждения:

пан бог кôжнôму члôвеку и шиткôму ствôренйу | в диханйу скôрô
ктôрегô ствôрил ãлбô нарôдилсе | пан бог и пôжитôк указал и написал ||
йеднегô часу свегий мýса прôбрôк фрасôвалсе и мôвил соби | сам йуже и
мне страви умнейшалô | йутре ãлбô тrefегô дна штô йа буду йестья || пан
бог ведал помышленйô йегô | рек | мýса пôд там над мôрô тôйô || мýса
пôшôд | пришôл дô днôгô камня | стôйи || пан бог рек | мýса удир ласкôйу
пô земли || мýса удирил | земла рôстýпиласе | камень великий пôд землейу
обачал || пан бог рек | мýса удир ласкôйу пô камени || мýса удирил |
камень резстýпилсе на двôйô | мýса обачив середине рôбачôк балий | рôфе
травичу зеленуйу тримайеф | йесть || пан бог казал тôму рôбаку з мýдôйу
мôвити || рôбачôк рек | мýса прôрôче | йа ствôренйô бôжйô малничкô |
отô ден и нôч в середине камня великôгô пôд землейу мешкам | ã мне
пан бог ранô и в вечерô кôжнôгô дна пô два рôмбйки дайе йестья || ã никôли

Kitabe šurutu selotu (maldos sąlygos) rašoma, kad dar pranašas Musa pas poną Dievą klausė: pone Dieve, ar tu miegi? Ponas Dievas sakė: Musa, atnešk dvi stiklines pilnas vandens. Pilnai pripylęs Musa atnešė. Ponas Dievas sakė: Musa, paimk į abi rankas po stiklinę. Musa paėmė. Ponas Dievas sakė: paėmei, laikyk stipriai. Ponas Dievas paskleidė miegą. Musa užmigo, paleido iš rankų stiklines ir sudaužė ir vandenį išpylė. Ponas Dievas sakė: Musa, ką darai, kam sudaužei stiklines, iš rankų paleidai ir vandenį išpylei. Musa sakė: pone Dieve, užmigau. Ponas Dievas sakė: Musa, o taigi, užmigai ir bėdos pridarei. Jeigu aš, Dievas, užmigčiau, žemė ir dangus suysis, kuo pilni, iš tvirtų rankų iškristų ir sudužtų ir bėdos būtų. Pagal šį pavyzdį man, Dievui, miegoti negalima per amžius. Pabaiga [KU-1446, 65b5-66a5].

При переводе пришлось отказаться от использования формальных лексических соответствий, даже если они не противоречили смыслу и нормам литовского языка, так как это могло нарушить стилистическую оформленность высказывания, сделать фразу тяжеловесной и избыточной. Поэтому на практике при переводе использовался прием лексической замены.

не хыйб пожитку а тл светий прброче у пана бога дла чоґо так о пожиток
фрасуйеґе ! в пану и в ласце йеґо вонпиш ббжой || светий муґа оба чилсе
! иж в том перед паном ббґом неправ ! и познал то ! иж чловеке кажного
пожиток от пана бога негине и неминеґ || коґец || [КУ-1446, 71611-7267];

аднаґо 'дна дауд 'трарок ' м зебур пейучй | нутром помислил | дива од
мене лепшаґо ббґамблца челауек на светий йесґ || тайа миґл з йеґо у
нутр 'пришла || тайе ж гадини пан ббґ ознаймил | мбвил || йа дауд | на
туґу гару узийди | [ЛУ-893, 20а7-10].

Процесс перевода всегда является многоплановым и своеобразным, так как “всякий перевод — это речевое триединство текста на иностранном языке, текста на языке перевода и акта преобразования первого текста во второй” [Бархударов 1975, 7]. Среди общих проблем, касающихся перевода, следует отметить проблему эвристической интерпретации. Существующая внутренняя логическая связь между процессами понимания и перевода детерминирует целесообразность интуитивно-дискурсивного восприятия текста, зрительный синтез материала при установке на общий охват содержания. Всестороннее использование возможностей прогнозирования, догадки о значении незнакомых слов и содержании сообщения, подключение интуитивных факторов делает процесс перевода гибким, активным и творческим.

Поэтому прежде чем переводилось слово, уяснялось его точное значение в том языке, с которого делался перевод (в данном случае в белорусском и польском языках). Для того чтобы раскрыть подлинные лексико-семантические отношения между соотносительными словами, необходимо было подвергнуть планомерному сопоставлению максимальное количество речевых контекстов, в которых встречалось исследуемое слово, с переводами этого слова на другой язык в пределах одного жанра. Значение слова проверялось по словарям белорусского, польского и литовского языков; из стилистического ряда выбирался нужный, стилистически мотивированный вариант перевода (вариантное соответствие).

Искажения, изначально появившиеся при переводе с арабского и тюркских языков на белорусский, могут быть сняты несколькими способами.

1. Привлекается корпус близкородственных текстов.

Так, например, при переводе отрывка:

першейа темара цо из свекром свбйим йеґудауу двух синов фараса и
зараха за кузена вурабилл | читай у перших ксенгах мбйґешовних у
раздзели тридзесце ббґим у вирше седмнастим || [Лейпц. 280, 268-3а6]

выражение за кузена удалось идентифицировать, опираясь на подобный фрагмент текста из Мирского китаба (1791 г.)². Данное выражение следует читать и понимать “за козла” Правильность такой интерпретации подтверждает библейский текст, на который опирается автор полемики с иудеями из Лейпцигского хамаила, использующий для подтверждения своих тезисов Библию С. Будного (1572 г.):

Y rzekla co mi dasz ze wniodziesz do mnie. Y rzekl: ia posle tobie kozle od drobu: y rzekla iesli mi dasz zaklad... (Быт 38–17)³.

Перевод на литовский язык после устранения всех неточностей и опосок выглядит следующим образом:

Pirmoji Tamara, kuri nuo savo uošvio Judos pagimdė du sūnus Farą ir Zarą, užmokeščiui paėmus ožį. Skaityk pirmoje Mozės knygoje, skyriuje 38, 17 eilėje.

2. Выясняется весь спектр значений слова в контексте. О значении многих слов приходилось судить по контексту, в соответствии с которым и делался перевод фрагмента на литовский язык. Так, значение слова *парсуна* в приведенных ниже отрывках было определено путем сравнения контекстов использования данной лексемы в других близкородственных текстах, ср.:

КУ–1446:

деватий вирш указује | иж тја справа пбзападла | претѡ писмѡ пбжйѡ
при соби нѡся | сперава су ѡтвѡрит | и дву свѡтѡв *парсуна* ма бит ѡсна
[КУ–1446, 44а10–13];

а дванастиј вирш указује | иж уся справу на дѡбрѡ обрѡтит | и двух
свѡтѡв *парсуна* ма бит ѡсна [КУ–1446, 5064–6].

Китаб Луцкевича:

mės'ec u slonca z'mėnili *parsunu* svaju [Stankevič 1933, 374–375];

Paјexau daleј, vїdѡeu adnu nєvastu xarѡju: dѡivavause, hledѡeči na jeje
parsunu [там же, 377];

Addѡini 'abaѡu pєkelnuju *parsunu* jak jest, bѡdu znač, strax mѡki [там же,
386];

Potїm 'advєrnѡuše nazad 'ad pєkda, iz straxu stala *parsuna*, maje ѡuuta [там
же, 388];

² Рукопись хранится в частной коллекции.

³ В рукописном отделе библиотеки Варшавского университета хранится экземпляр Библии С. Будного [Сигн. Sd. 614. 300], на полях которого имеются записи на польском и турецком языках арабским письмом.

Лондонский китаб (1831 г.):

Muchemed praroku jeho milość na Bożej daroże leżaw; chvorij biv, velikaju bol mev; z boli driżaw s *parsuni* žmenivše, z ačeј šlozi išli; čaška uždichajuči, plakav: Milošćivij Bože, žmilujše nad mussulmanami [Akiner 1978, 240];

Китаб Милькамановича (1781 г.):

i duša ś cela viša prišli švetlość velikeja z neba po to šehošvetnuju švetlość i stala nat prorokem udzerila bod nebo a lico parsunu prarockuju ezra'il nakrli [Łapicz 1989, 169].

В соответствии со словарем А. Булыки, слова *персона*, *парсона*, *парсуна*, *персуна* означают “лицо” (польск. *persona* < лат. *persona*) [Булыка 1972, 242].

По всей вероятности, под выражением *дву светов парсуна* подразумевается религиозно-мистическое представление о двух мирах: рае и аде, которые в понимании человека должны стать предельно ясными. Данное выражение, часто используемое в мусульманских рукописях, может быть переводом устойчивого словосочетания с турецкого или арабского языков. Перевод на литовский язык выглядит так:

Devinta eilė parodo: reikalai pašlijio, Dievo raštus su savimi nešioj — reikalai išsispręs ir dviejų pasaulių apipavidalinimas turės būti skaidrus (aiškus) [KU-1446, 44a10-13].

Dvylika eilė parodo: kad visus reikalus į gerą pavers ir dviejų pasaulių vaizdas išaiškės [KU-1446, 50b4-6].

У народов, исповедующих ислам, магия представляет собой очень сложное явление, в котором причудливо переплелись древнееврейские, древнеавилонские и даже древнегреческие магические представления и обряды, а также магия первобытных народов.

Магия у литовских мусульман была тесно связана со знахарством и представляла собой один из элементов народной медицины.

При лечении различных болезней, разрешении бытовых конфликтов, достижении определенного положения в обществе использовались магические свойства молитв (дуаларов). Магические обряды состояли в ношении амулета с написанной молитвой, сожжении листа бумаги с текстом молитвы (окуривании больных) и использовании в качестве напитка жидкости, в которой была замочена бумага с текстом молитвы.

Для написания магических формул и знаков использовались специальные чернила:

фрижмү из шафранам у радбснайе вадіе на име тогб человеке написавши [Лейпц. 280, 23a5-6],

бётреба кершыя ду'а шефранем з радесцанай ваўкой напісавшы [Лейпц. 280, 25a8–2562].

О значении словосочетания *у радбснайе вадце*, которое в более поздних хамаилах иногда пишется, как *у радосной вадзе*, можно судить по контексту. Из Ясенеvского хамаила (1866 г.)⁴ узнаем о дождевой воде, собранной в апреле месяце и имеющей чудотворную силу. Ее используют в лечении и для приготовления чернил:

Haža to jest jezeli aprila mešonca pervšy dežč spadne to tšeba jake načyne čyste postavic žeby dčču napadaťo do načyne. Potym na ta voda potšeba peć i duć. Potym ta voda pić prez dnej šedem od každej choroby pomoc benze inša aľa teala. Atramentu zrovivšy nuski pisac dobže, pić i nosić i kužyc tymi nuskami [Хамайл 1866 г., л. 174a].

Можно предположить, что существовало определенное название этой воды, отсюда и появляются словосочетания *у радбснайе вадце*, *у радосной вадзе*. По-видимому, переписчики не понимали значения данного словосочетания. Что-то аналогичное произошло и с глагольной словоформой *семенчую*, которая не употребляется в современных белорусских говорах. Этот глагол встретился в комментарии к Корану [Тэфсир 1725 г., гл. 22, стих 35]⁵, где было дано пояснение к нему: *семенчуй* значит — “утешь радостной вестью”

Перевод на литовский язык выглядит следующим образом:

Šeštas pavyzdys: jeigu nori, kad žmogus tave pamiltų, į vieną vietą nuėjus, abdestą, guslą atlikus, džiaugsmingu vandeniū su muskusu ir šapronu to žmogaus vardu du'а parašius, namuose į ugnį įmesti. Kūnu ir siela pamilsite vienas kitą [Leip. 280, 23a].

Dvyliktas pavyzdys. Tai yra, jeigu nori, kad šios šalies žmonės tau paklusnūs būtų ir tave mylėtų, reikia Kieršijja Du'а šapronu džiaugsmingu vandeniū parašius, pastoviai su savimi švaroje laikyti, visos šalies žmonės džiaugsis (tave) matydami [Leip. 280, 25a–25b].

Проблему интерпретации символики гаданий можно решить, привлекая целый ряд идентичных гадательных текстов различного происхождения.

Часто в гадательных текстах исследуемых рукописей встречаются выражения “великое место” и “великий человек”, употребляемые в бытовых сюжетах и связанные с положительным рядом бинарной символической классификации, т.е. с выводом — предсказанием “хорошо”:

⁴ Рукопись хранится в частной коллекции.

⁵ Тэфсир хранится в: Fracys Skaryna Byelorussian Library, London. Сигн. FSBL (1725).

третий вирш указуе | иж из *велкѡгѡ мѣсца* тѡби фартуна пѡкаже | бѡг тѡби пѡжитѡк привлашчит | живѡт урадуе [КУ-1446, 4368-10];

дѣсатий вирш указуе | иж з *велкѡгѡ мѣсца* из стрѡни фартуна пѡкаже [КУ-1446, 44a13-14];

дѣсатий вирш указуе | иж з *велкѡгѡ мѣсца* тѡби дѡбрѡст пѡкаже | урадуеш и на час смѡтнѣше | ѡ пред сѣма бѣт вудле тѡвои мѣсли [КУ-1446, 4669-12];

тѣ гѡспѡдару | иж тѡбе з *велкѡгѡ мѣсца* из стрѡни фартуна пѡкаже и ку пѡстѣваштѣ [КУ-1446, 53a4-6];

ѡдинастий вирш указуе | иж тѣ ѡт *велкѡгѡ члѡвика* и стрѡни йѡгѡ пѡкаже | удачѡн будеш [КУ-1446, 5562-4].

Любая эпоха характеризуется особой системой ценностей, которые находят весьма развернутое отражение на страницах рукописей. Можно предположить, что тексты подобных гаданий писались или дополнялись в эпоху резкой сословной иерархии, когда социальная подчиненность могла влиять на судьбы людей, а милость верховного сеньора сулила удачу: земельные пожалования, назначение на высокий пост, погашение долга и т.д.

Роль влиятельных и богатых людей в жизни человека, гадавшего по книге (будь то так наз. *Фал из книги Даниила* или *Фал коранический*, или любой другой), была исключительно велика. Несмотря на то, что жизненный уклад состоятельных людей в средневековье был весьма суровым, тексты гадательных книг включают в число добродетелей идеального персонажа милостивое отношение к низшим.

Для сравнения используем гадательные тексты книги *Рафли*, которая, по предположениям, была переведена на славянский язык непосредственно с арабского [Симонов-Турилов-Чернецов 1994, 74]. Предсказания *дступаеши мѣста високого, достигнеш мѣста доброго* или *будут гости, великие еще люди, честь тебе будет от них* [там же, 73-74], при всей неопределенности выражений, явно указывают именно на должностное назначение или повышение социального статуса.

Таким образом, слово “великий” могло быть использовано в применении к сословной иерархии и должностному назначению.

Перевод на литовский язык в таком случае выглядит следующим образом:

Trečia eilė parodo: iš didžios vietos tau sėkmę rodo. Dievas tau naudą suteiks, gyvenimu apsidžiaugsi [KU-1446, 43b8-10];

Dešimta eilė parodo: iš didžios vietos iš nuošalio sėkmės turėsi [KU-1446, 44a13-14];

Dešimta eilė parodo: iš didžios vietos gerovės sulauksi, apsidžiaugsi ir trumpam susisiešiosi, o ateityje bus, kaip sumanysi [KU-1446, 46b10-12];

Vienuolikta eilė parodo: kad tu iš vieno didžio žmogaus ir jo pusės kažko sulauksi, tau pasiseks [KU-1446, 55b2-4].

Встречающееся в гадательных текстах выражение “невесты средней”, судя по контексту, имеющее положительную коннотацию, может представлять собою широко известный фольклорный элемент, когда из трех возможностей выбирается нечто среднее (по качеству, свойству). С другой стороны, определение “средний, средняя” можно понимать как указание на иерархические сословные отношения. (Ср.: книга *Рафли* содержит рекомендацию держаться средней линии: *среднее яждь — хлеб да капусту, шти, квас, воду, а лакомства не яждь* [Симонов-Турилов-Чернецов 1994, 62].

Варианты вопросов и ответов, используемые в гадательных книгах (когда их набор был достаточно представительным), рисуют яркую картину наиболее типичных и животрепещущих житейских нужд и ситуаций. По этим вопросам и ответам можно судить о том, к чему наши предки стремились и чего опасались, можно смоделировать типичный образ “счастливого” и “несчастливого”, а может быть, и “среднего” человека [см.: там же, 56]. В нашем случае находим следующие предсказания:

шóстий вирш указуйе | иж óт невестй среднойине мала ни велика дбóрóц пóкаже вудле твóйи муóли | урадуýеш [КУ-1446, 50a4-6];

чéтвэртий вирш указуйе | иж óт невестй сренийе не мала ни велика тóби вела фартуни пóкаже [КУ-1446, 51a4-6].

Перевод на литовский язык:

Šešta eilė parodo: kad iš vidutinės nuotakos nei mažo nei didelio gėrio turėsi, bus kaip panorėsi, apsidžiaugsi [KU-1446, 50a4-6];

Ketvirta eilė parodo: kad iš vidutinės nuotakos nei mažos nei didelės laimės turėsi [KU-1446, 51a4-6].

3. Арабские термины и терминологические сочетания религиозного содержания понимались переписчиками не всегда в том значении, в котором они были употреблены. В текстах рукописей они использовались на языке оригинала, с дополнительной перифразой или переводом на белорусский язык. Например, арабский термин *лахма* означает “тело”, однако в тексте китаба КУ-1446 [л. 56a2] выражение у *лахме* ошибочно употребляется как одно из наименований положения тела во время молитвы наряду с терминами у *хийам*, у *рукеи*. При переводе на литовский язык термины и тер-

elgėsi ir Juozapas. Pirmoji Mozės knyga, skyrius keturiasdešimt trečias, dvidešimt ketvirta eilė. Taip Dievas liepė, kad būtina rankas ir kojas plauti [Lejp. 280, 4a5–4b8].

Таким образом, перевод арабскоалфавитных рукописей литовских татар на литовский язык способствует выявлению “темных мест” в славянском оригинале и подготавливает к целостному восприятию текста со всеми особенностями его структуры и содержания. Предлагаемый автором перевод может быть использован в качестве одного из средств лингвистической интерпретации корпуса подобных текстов. Перевод, являющийся на первом этапе исследования критерием понятности текстов, подготавливает их к последующему языковому анализу.

ЛИТЕРАТУРА

- Бархударов, Л.С. 1975: *Язык и перевод*, Москва.
- Булька, А.М. 1972: *Даўнія запазычанні беларускай мовы*, Мінск.
- Морковкин, В.В. (ed.) 1984: *Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев*, Москва.
- Симонов, Р.А., Турилов, А.А., Чернецов, А.В. 1994: *Древнерусская книжность (Естественнонаучные и сокровенные знания в России XVI в., связанные с Иваном Рыковым)*, Москва.
- Akiner, S. 1978: Oriental Borrowings in the Language of the Byelorussian Tatars, *Slavonic and East European Review*, t. 56(2), 224–241.
- Biblia, to jest księgi Starego a Nowego Przymierza, znowu z języka ebrejskiego, greckiego y łacinskiego na polski przetożone*, Nieświż, 1572.
- Łapicz, Cz. 1989: Z problematyki badawczej piśmiennictwa Tatarów Białostockich, in *Studia językowe z Białostoczczyzny*, Warszawa, 161–171.
- Stankevič, J. 1933: Příspěvky k dějinám běloruského jazyka, *Slavia*, XII(3–4), 357–390.